

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

ОЧЕРТАНИЯ РУССКОЙ ТОСКИ

* * *

Выпил водки, всплакнул под баян,
у крылечка погладил деревья
и ушёл на сарматский курган
за околицу мёртвой деревни.

Он лежит средь курганной травы,
намокая росой и слезами,
и не в силах поднять головы
с устремлёнными в небо глазами.

“Бог, — он шепчет, — Ты слышишь? Спаси”.
Бог нагнулся к нему и услышал.
И последний мужик на Руси
в небо из окружения вышел.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Добывает на свалке объедки,
спит в тряпье у картонной стены
командир батальона разведки
величайшей на свете войны.

ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович родился в 1951 году в семье офицера. Окончил Военно-инженерную академию им. Дзержинского, полковник запаса. Автор нескольких стихотворных книг. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Дети предали, внуки забыли.
Может быть, он и сам виноват,
что не принял российские были
и нередко сбивался на мат.

Но зато у него есть щеночек
и друзья — городские бомжи,
он поёт им про синий платочек,
он щенка обучает: “Служи!”

А ещё телевизоров много
и приёмников тоже полно —
все поломанные, слава Богу,
в них плевать не запрещено.

Он себя не считает пропащим,
бросил пить и не злится уже,
чтоб во времени ненастоящем
на случайном не пасть рубеже.

Окружили — на фронте и это
с батальоном бывало не раз.
Он дожждётся салютной ракеты
и отдаст на атаку приказ.

Нет преграды советским героям!
Вновь он молод, прекрасен, жесток.
И бегут за ним сомкнутым строем
городские бомжи и щенок.

МАТЕРИКИ

Зимою две тысячи третьего года
задумался я: для чего мне свобода,
телесное счастье, душевный покой? —
И я преисполнился русской тоской.

Ведь русское счастье и русское горе
всегда беспричинны — как небо и море,
как тучи меж солнцем и бездной морской
в пространстве, заполненном русской тоской.

В нём нет измерений и времени тоже,
оно до поры ни на что не похоже,
в нём лишь нерождённые материки
хранят очертания русской тоски.

“МОСКВА”

Я жил тогда в погибшей роте.
Она бродила по войне
и на Кунарском повороте
случайно повстречалась мне.

О ней угрюмо поминали
в политотделах и штабах:
зазря, мол, роту потеряли,
домой отправили в гробах.

А рота выжила. Частично.
Слегка пополнена была.
И на войне я видел лично
её посмертные дела.

В окрестностях Асадабада
она рвалась из боя в бой,
ей поквитаться было надо
с войной, врагами и судьбой.

Однажды на горушке низкой
вздремнула рота, видя сны,
но загремел динамик близкий:
— Сдавайтесь, вы окружены! —

Признаться, я струхнул немного,
но командир сказал, смеясь:
— Нас не узнали, слава Богу,
не зря мы отключали связь. —

Враги не пережили ночи.
А рота до сих пор жива,
храня в России, между прочим,
погибший позывной: “Москва”.

ТАНКИСТ

22 июля 1923 года
родился мой отец —
будущий танкист Великой войны,
а в детстве голубятник и шалопай,
кем и положено было быть в ту эпоху
простому русскому парню
из провинциального города Вятки.
Впрочем, Вятка тогда
называлась странным именем Киров,
а имя отца тоже было странным
для советского времени: Глеб.
Родители звали его Глебушкой,
братья — Глебкой,
на войне его звали “товарищ лейтенант”
или “эй, танкист”,
или — в госпиталях — “раненый Верстаков”.
Я звал его папулей.
Мы любили вечерами гулять по военным городкам —
на Украине, в Германии, в Шуге,
где, кстати, он был досрочно уволен в запас
неизвестно за что
(хотя с благодарностью и ценным подарком),
как это зачастую случается в невоюющей армии.
Отец к той поре отвык от жизни без службы,
поэтому заболел и через несколько лет умер.
...В день моей свадьбы, отец, крепко выпив,
несколько раз повторил:
“Лишь бы ты не увидел войны”.
А я до сих пор не могу ему ничего ответить,
потому что бестолковые войны,
которые я всё же увидел,
никак не сравнимы с его Великой войной.
Да и его Страну я не сохранил.